

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Д.О. Серов*

ВОЕННО-УГОЛОВНОЕ И ВОЕННО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В. (ОПЫТ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО ОБОЗРЕНИЯ)

Аннотация: статья посвящена изучению развития в первой четверти XVIII в. военно-уголовного и военно-процессуального законодательства России. Развитие данных отраслей законодательства было обусловлено тем обстоятельством, что новоучрежденные в ходе военной и военно-судебной реформ Петра I «регулярная» армия, военный флот и военные суды образовали принципиально новые объекты правового регулирования, что потребовало издания значительного массива законодательных и иных нормативных актов. Ситуация осложнялась тем обстоятельством, что в деле подготовки нормативной основы организации и функционирования реформированных вооруженных сил и военно-судебных органов законодатель почти не имел возможности опереться на национальный правовой опыт, поскольку отечественные правовые образцы либо отсутствовали как таковые, либо не соответствовали проводившейся линии преобразований. При подготовке статьи использованы исторический, сравнительно-правовой и историко-генетический методы исследования, а также общенаучные методы анализа и синтеза. В статье впервые целостно характеризуется состояние отечественного военно-уголовного и военно-процессуального законодательства в период реформ Петра I – в контексте развития военного законодательства. Впервые исчерпывающе установлена номенклатура актов военного законодательства отмеченного периода, выделено два этапа в его развитии: конец 1690-х – 1700-е гг. и 1710-е – первая половина 1720-х гг. Показано, что к началу 1720-х гг. в правовой системе России произошло отраслевое обособление военного права. Определено место в системе законодательства Уложения Б. П. Шереметева 1702 г. и Краткого артикула А. Д. Меншикова 1706 г. Приведены новые наблюдения над содержанием Артикула воинского 1714 г. и «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» 1712 г. – первых российских военно-уголовного и военно-процессуального кодексов.

Ключевые слова: военно-судебная реформа, воинские преступления, военные суды, Петр I, военное право, военно-процессуальное законодательство, военно-уголовное законодательство, Эрнст Кромпейн, *salvus conductus*, государственные преступления.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.2.10564

© Серов Дмитрий Олегович

* Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Новосибирского государственного университета экономики и управления [serov1313@mail.ru]

630099, Россия, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56.

Общеизвестно, что военная реформа и боевое применение вооруженных сил являлись приоритетными направлениями деятельности Петра I как главы государства и как законодателя¹. В ходе проведения военной реформы первой четверти XVIII в. в России были созданы массовая профессиональная армия европейского типа, военно-морской флот, преобразованы органы военного управления. Производной от военной реформы стала военно-судебная реформа 1700-х – начала 1710-х гг., в ходе которой в судебной системе России возникла обособленная подсистема военных судов (кригсрехтов) и аудиторская служба.

Новоучрежденные «регулярная» армия, военный флот и военные суды образовали принципиально новые объекты правового регулирования, что потребовало издания значительного массива законодательных и иных нормативных актов. В собственноручно написанном предисловии к Уставу воинскому 1716 г. Петр I так сформулировал цель выработки нового военного законодательства: «Дабы всякой чин знал свою должность... и неведением не отговаривался»². Ситуация осложнялась тем обстоятельством, что в деле подготовки нормативной основы организации и функционирования реформированных вооруженных сил и военно-судебных органов законодатель почти не имел возможности опереться на национальный правовой опыт. В данном случае отечественные правовые образцы либо отсутствовали как таковые, либо не соответствовали проводившейся линии преобразований. Это обстоятельство предопределило необходимость широкого привлечения западноевропейских нормативных источников.

Со стороны содержания к числу актов военного законодательства, изданных в период единодержавия Петра I (1696–1725 гг.), следует отнести: 1) акты, которыми регулировались различные стороны организации и функционирования сухопутной армии и военно-морского флота в мирное и военное время; 2) акты военно-уголовного и военно-процессуального характера; 3) акты, которыми регулировались устройство и компетенция органов военного управления. Со стороны формы акты военного законодательства того времени издавались

в виде именных указов и высочайших резолюций, имевших нормативное значение, уставов, инструкций, регламентов, «плакатов», «статей», «артикулов» и «процессов». Именно эти акты образовали ключевой сегмент нормативной основы устройства и деятельности вооруженных сил и военных судов в первой четверти XVIII в. Эту нормативную основу дополнили также акты, которые в современном понимании относятся к числу подзаконных – содержавшие нормы права указы Сената и распоряжения Военной и Адмиралтейской коллегий.

За период единодержавия Петра I в развитии военного законодательства России представляется возможным выделить два этапа. На первом этапе (конец 1690-х – 1700-е гг.) был издан сравнительно ограниченный круг актов преимущественно узкого содержания (например, «Статьи во время военного похода» от 8 июня 1704 г., «Артикул корабельный» 1706 г.), а также два более значительных по объему акта, содержавших военно-уголовные и военно-процессуальные нормы – Уложение Б. П. Шереметева 1702 г. и Краткий артикул А. Д. Меншикова 1706 г. Кроме того, в означенный период было подготовлено два обширных проекта актов военного законодательства: Устав А. А. Вейде 1698 г. и так называемый «Устав прежних лет» 1700–1705 гг.³

Уложение Б. П. Шереметева 1702 г. и Краткий артикул А. Д. Меншикова 1706 г. носили временный характер, имели ограниченное применение и были подготовлены на низком уровне юридической техники. Несмотря на более позднее время издания, Краткий артикул 1706 г. не был никак согласован с Уложением 1702 г. Учитывая, что к настоящему времени отсутствуют какие-либо данные об утверждении Уложения 1702 г. и Краткого артикула 1706 г. Петром I, по юридической силе их следует, думается, отнести к ведомственным актам⁴. Вероятнее всего, именно по этой причине ни Уложение Б. П. Шереметева 1702 г., ни Краткий артикул А. Д. Меншикова 1706 г. не были впоследствии

¹ Как ни удивительно, единственное фундаментальное современное исследование деятельности Петра I как реформатора вооруженных сил и полководца оказалось подготовлено не отечественным автором, а немецким историком (см.: Hoffmann P. Peter der Große als Militärreformer und Feldherr. Frankfurt am Main, 2010).

² Законодательные акты Петра I / сост. Н. А. Воскресенский; под ред. Б. И. Сыромятникова. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 52.

³ Бобровский П. О. Вейде Адам Адамович, один из главных сотрудников Петра Великого, и его Военный устав 1698 года (Историко-юридическое исследование). Казань, 1887. С. 14–21; Мышлаевский А. З. Предисловие // Петр Великий. Военные законы и инструкции (изданные до 1715 года) / сост. А. З. Мышлаевский. СПб., 1894. С. XII–XXIX.

⁴ Трудно согласиться с мнением П. С. Ромашкина и Н. Д. Дурманова, которые сочли Уложение 1702 г. и Краткий артикул 1706 г. «военно-уголовными кодексами» (Ромашкин П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. С. 19; Дурманов Н. Д. Памятники уголовного права. Введение // Памятники русского права / под ред. К. А. Софроненко. М., 1961. Вып. 8. С. 271).

включены в состав «Полного собрания законов Российской империи с 1649 года».

На втором этапе (1710-е – первая половина 1720-х гг.) появилось значительно большее число актов военного законодательства. Первым актом, изданным на этом этапе, стали содержавшие уголовно-правовые нормы малоизученные поныне «Инструкции и артикулы военные российскому флоту» 1710 г.⁵ Акты военного законодательства 1710-х – первой половины 1720-х гг. были уже в значительной мере дифференцированы на уголовно-правовые, процессуальные и административные. Кроме того, сложилась дополнительная специализация актов военно-уголовного законодательства, предназначенных для военно-морского флота. Акты того времени были подготовлены преимущественно на высоком уровне юридической техники, по большей части согласованы между собой и все без изъятия официально обнародованы (в том числе типографским путем).

В составлении ряда актов военного законодательства на этом этапе принял личное участие Петр I. Наибольшее внимание первый российский император уделил разработке Артикула воинского 1714 г., Устава воинского 1716 г., Устава морского 1720 г., Регламента Адмиралтейства и верфи 1722 г. Регламент Адмиралтейства, состоявший из двух частей, 68 глав и 717 статей⁶, явился крупнейшим актом военного законодательства России первой четверти XVIII в. Последним актом военного законодательства, изданным при жизни Петра I, стали высочайшие резолюции от 11 ноября 1724 г. на докладе Военной коллегии⁷.

Представляется возможным констатировать, что к концу правления Петра I грандиозная задача по формированию нормативной основы организации и деятельности реформированных вооруженных сил и военно-судебной системы России оказалась успешно выполнена (единственным пробелом здесь следует признать неудачу с подготовкой Регламента Военной коллегии, издание которого не состоялось, впрочем, и впоследствии). Поскольку к исходу первой четверти XVIII в., наряду с появлением нового предмета правового регулирования, обусловленного учреждением «регулярной» армии и военных судов, образовался целостный массив военного законодательства, в тогдашней системе российского права, как представляется, начала складываться отрасль военного права. В этой связи глубоко показательны, ка-

ким образом оказался решен вопрос о нормах военного права в ходе подготовки Уложенной комиссией 1720 г. проекта Уложения Российского государства 1723–1726 гг. – единого кодифицированного акта, которому предстояло заменить Уложение 1649 г.⁸

Уже во второй месяц работы, на заседании 21 сентября 1720 г. Уложенная комиссия постановила отказаться от выработки военно-правовых норм, сняв с обсуждения содержавшие означенные нормы главы 7 и 8 Уложения 1649 г. («понеже оныя главы к гражданским правам неприличны»)⁹. Совершенно очевидно, что столь принципиальное решение было принято Уложенной комиссией не по собственной инициативе, а во исполнение указания Петра I (выраженного, вероятно, в устной форме). Тем самым, оказался очерчен исключительно общегражданский характер составлявшегося единого кодифицированного акта, что свидетельствовало о том, что к началу 1720-х гг. законодатель уже осознал завершение отраслевого обособления военного права.

Развитие военно-уголовного законодательства Петра I началось с издания «Статей, состоявшихся на Генеральном дворе» от 23 декабря 1700 г.¹⁰, а военно-процессуального законодательства (а также законодательства о военном судебном устройстве) – с издания вышеотмеченного Краткого артикула А. Д. Меншикова 1706 г. «Статьи» от 23 декабря 1700 г., будучи в целом посвящены порядку комплектования солдатских полков, содержали некоторые нормы, которыми устанавливалась уголовная ответственность за воинские преступления. Краткий артикул 1706 г. состоял из 12 глав и 113 статей и представлял собой перевод компилятивного *Moskowitische Kriegs-Reglement*, составителем которого считается находившийся на российской службе доктор права Генрих Гюйсен (*Heinrich Freiherr von Hüysen*)¹¹.

⁸ Подробнее см.: Серов Д. О. «У сочинения Уложения российского с швецким быть...»: Уложенная комиссия 1720 года и ее труды // Институты государства и права в их историческом развитии: сб. науч. статей / под ред. Т. Е. Новицкой. М., 2012. С. 139–160.

⁹ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА), ф. 342, оп. 1, кн. 9, ч. 1, л. 3.

¹⁰ Полное собрание законов. Т. 4. № 1820. С. 92–94.

¹¹ Научные публикации Краткого артикула А. Д. Меншикова 1706 г. см.: Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878. С. 294–313; Петр Великий. Военные законы и инструкции. С. 53–74. В 1706 г. Краткий артикул А. Д. Меншикова был неофициально обнародован и типографски. Наличие типографской публикации *Moskowitische Kriegs-Reglement* привело к тому, что в первой четверти XVIII в. он дважды попадал (под названием *Russisches Kriegs-Reglement de an. 1706*) в печатав-

⁵ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 4. № 2267. С. 485–492.

⁶ Полное собрание законов. Т. 6. № 3937. С. 525–637.

⁷ Полное собрание законов. Т. 7. № 4589. С. 360–362.

Девять глав Краткого артикула 1706 г. образовывали военно-уголовный раздел, а три главы были посвящены организации военного суда и военно-уголовному процессу.

В ст. 2 гл. 10-й Краткого артикула 1706 г. – впервые в истории отечественного права – было проведено разграничение между уголовной и дисциплинарной ответственностью военнослужащих, между преступлением и проступком («дела... которые точно в аресте... офицеру подлежат, который вышнюю команду... имеет»)¹². В отношении уголовно-правового раздела следует отметить, что главы 1–5 содержали нормы об ответственности за общеуголовные, государственные и противоцерковные преступления, а главы 6–9 – за воинские. Благодаря главам 10–12, Краткий артикул А. Д. Меншикова 1706 г. возможно признать начальным актом военно-судебной реформы Петра I, заложившим основы преобразования военного судостроительства и судопроизводства.

Согласно норм, закрепленных в главах 10–12, военные суды определялись как временные коллегиальные судебные присутствия, формировавшиеся из числа строевых военнослужащих для рассмотрения конкретного уголовного дела. Учитывая юридическую неподготовленность строевых военнослужащих, при кригсрехте предусматривалась должность аудитора – особого лица, занимавшегося подготовкой дела к слушанию и правовым консультированием членов суда.

Согласно ст. 9 гл. 10-й и ст. 5 гл. 12-й Краткого артикула 1706 г., по существу рассматривавшегося дела каждый из судей излагал мнение с предложением о мере наказания подсудимому. Вынесенный кригсрехтом приговор направлялся на утверждение старшему воинскому начальнику. Появление отмеченной процедуры означало начало восстановления в уголовном процессе России ревизионно-решающего порядка пересмотра и утверждения судебных решений (уже существовавшего в конце XV – первой половине XVI вв.).

Вершиной же развития военно-уголовного и военно-процессуального законодательства Петра I (и вообще развития военно-уголовного и военно-процессуального законодательства России в XVIII в.) неоспоримо явились Артикул воинский и «Краткое изображение процессов

или судебных тяжб». С их изданием реформированные российская армия и военные суды получили составленные по последнему слову юридической техники, содержательно подробные, официально обнародованные специальные военно-уголовный и военно-процессуальный акты. Наряду с этим, «Краткое изображение процессов...» необходимо признать базисным актом военно-судебной реформы 1700-х – начала 1710-х гг.

В вопросе о том, к какой разновидности нормативных актов следует отнести Артикул воинский и «Краткое изображение процессов...», нельзя не согласиться с мнением С. В. Юшкова и О. И. Чистякова, которые определили их как кодексы¹³. Соответственно, Артикул воинский возможно считать первым отечественным военно-уголовным кодексом, а «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» – первым военно-процессуальным кодексом. В этом отношении ни Артикул воинский, ни «Краткое изображение процессов...» не имеют аналогов в современной российской системе законодательства.

Как удалось установить, издание первой редакции «Краткого изображения процессов...» состоялось в 1712 г., а первой редакции Артикула воинского – в 1714 г. В 1715 г. данные акты были несколько дополнены законодателем и изданы в новой редакции – причем в соединенной типографской публикации¹⁴. Составителем проектов обоих актов выступил Эрнст Фридрих Кромпейн (Ernst Friedrich Krompein) – бывший шведский военный юрист, поступивший после 1710 г. на русскую службу¹⁵.

Вопрос о круге зарубежных нормативных источников, которые были использованы при составлении «Краткого изображения процессов...» и Артикула воинского, остается к настоящему времени проясненным не в полной мере. Что касается Артикула воинского 1714 г., то приня-

шился в Лейпциге и Франкфурте-на-Майне сборники действующего военного законодательства европейских стран. Последний раз уже давно не применявшийся в России *Russisches Kriegs-Reglement* увидел свет в 1724 г. (*Corpus juris militaris novissimum*. Leipzig, 1724. Bd. 2. S. 859–874).

¹² Петр Великий. Военные законы и инструкции. С. 70–71.

¹³ Юшков С. В. История государства и права СССР. 4-е изд. М., 1961. Ч. 1. С. 331; Чистяков О. И. Процессуальное законодательство // Законодательство Петра I / под ред. А. А. Преображенского и Т. Е. Новицкой. М., 1997. С. 794.

¹⁴ Артикул воинский купно с процессом, надлежащий судящим. Напечатана повелением царского величества в Санкт-Петербурге лета Господня 1715 апреля 26 дня. С. 1–152 (Артикул воинский), С. 1–73 («Краткое изображение процессов...») (экземпляр из собрания Отдела редкой книги Библиотеки РАН).

¹⁵ Подробнее см.: Серов Д. О. Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» (из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // *Lex Russica*. Научные труды Московской государственной юридической академии. 2013. № 2. С. 113–121.

то считать, что при его разработке привлекались акты шведского, датского и австрийского военного законодательства последней трети XVI – XVII вв., особенно широко – нормы шведского Военного артикула редакции 1683 г.¹⁶. В «Кратком изображении процессов...» нормативные источники, использованные при его составлении, оказались указаны непосредственно в заглавии редакции 1712 г.: «против римскоцесарских и саксонских прав учрежденное...».

По мнению крупнейшего знатока российской военной законодательства XVIII в. П. О. Бобровского, при подготовке «Краткого изображения процессов...» в самом деле использовались, в первую очередь, акты военного законодательства Саксонии, а также австрийские (те самые «римскоцесарские») и датские военно-процессуальные акты. С точки зрения К. Петерсона, основным источником, использованным при разработке «Краткого изображения процессов...», явился шведский Устав воинского судопроизводства 1683 г.¹⁷.

В состоящем из трех частей, 10 глав и 101 статьи «Кратком изображении процессов...» оказались гораздо более детально, нежели в Кратком артикуле 1706 г. регламентированы вопросы организации кригсрехтов (полкового и генерального), процессуального положения аудитора, подсудимого и свидетелей, вопросы подготовки и проведения судебного разбирательства, постановления и вступления в силу приговора. В кодексе были закреплены основания и порядок применения к подсудимому пытки, указаны основания для пересмотра судебных решений, определен круг лиц, которые не могли привлекаться судом в качестве свидетелей. В ст. 3 гл. 1-й разграничивались системы общих и военных судов: «гражданской суд, который во время войны и миру в каждом государстве твердо определен есть» и в котором разбираются дела, возникающие между всеми подданными, и «воинской суд», в котором рассматриваются «только ссоры между офицерами, салдатами и протчими особами, войску надлежащими»¹⁸.

В «Кратком изображении процессов...» было сформулировано как общее учение о доказательствах, так и охарактеризована их система.

При этом круг доказательств был очерчен исчерпывающе, а доказательства дифференцированы по степени их значимости. Согласно ст. 1 гл. 2-й части 2, лучшим доказательством «всего света» являлось собственное признание подсудимого, а наихудшим (согласно ст. 7 гл. 5-й) – присяга, относительно которой оговаривалось, что она «осторожности достойна есть». В ст. 9 той же гл. 5-й впервые в истории отечественного права был сформулирован принцип презумпции невиновности: «Лучше есть 10 виновных свободить, нежели одного невинного к смерти приговорить»¹⁹.

Примечательно, что далеко не все нормы «Краткого изображения процессов...» оказались воплощены в российской правоприменительной практике. Так, в отечественных военных судах XVIII в. никогда не рассматривались гражданские иски (что предусматривалось в ст. 1 и 2 гл. 2-й и в главах 3-й и 4-й части 1 «Краткого изображения процессов...»). В связи с этим мертвой буквой остались и положения гл. 5-й части 1, в которой регламентировалось участие в военном судопроизводстве «адвокатов и полномочных»²⁰. Никак не воплотился в практике и подробно описанный в ст. 1–6 гл. 6-й части 1 такой прежде отсутствовавший в России процессуальный институт как «салф кондукт» (от латинского *salvus conductus*) – совокупность норм, регулирующих гарантии для обвиняемого, скрывшегося от преследования, свободно явиться в суд²¹.

В отечественном военном судопроизводстве XVIII в. не нашел применения и апелляционный порядок пересмотра судебных решений (который предусматривался в ст. 5–6 гл. 1-й и в гл. 2-й части 3 «Краткого изображения процессов...»). Соответственно, вопреки положениям ст. 5 гл. 1-й части 3 «Краткого изображения процессов...», в России не возникло никакой (ни организационной, ни инстанционной) соподчиненности между полковыми и генеральными кригсрехтами. На практике это оказались совершенно обособленные друг от друга органы военного правосудия, имевшие лишь различный формально-иерархический статус.

Состоявший из 24 глав и 209 статей («артикулов») Артикул воинский явился несравненно более подробным и пригодным для практического применения законодательным

¹⁶ Бобровский П. О. Происхождение Артикула воинского и Изображения процессов Петра Великого по Уставу воинскому 1716 г.: историческое исследование. 2-е изд. СПб., 1881. С. 9–10, 33–42; Hoffmann P. Peter der Große als Militärreformer... S. 164.

¹⁷ Бобровский П. О. Происхождение Артикула воинского... С. 29, 43–46; Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. Lund, 1979. P. 338–339.

¹⁸ Законодательство Петра I. С. 824.

¹⁹ Законодательство Петра I. С. 831, 836.

²⁰ Законодательство Петра I. С. 829–830. Это первый (и на долгое время последний) случай употребления в отечественном законодательстве термина «адвокат».

²¹ Об институте *salvus conductus* подробнее см.: Линовский В. А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. М., 2001. С. 124–127.

актом, нежели его непосредственные предшественники – Уложение Б. П. Шереметева 1702 г. и Краткий артикул А. Д. Меншикова 1706 г. В Артикуле воинском оказалась предусмотрена ответственность за почти исчерпывающий круг преступлений, которые в принципе мог совершить военнослужащий в мирное и военное время – от противощерковных до специфически воинских. В этом отношении нельзя не оценить тщательность работы законодателя, внесшего в кодекс как общераспространенные составы преступных деяний (убийства, кражи, изнасилования, нанесение телесных повреждений), так и сугубо экзотические (чародейство, идолопоклонничество).

Так, Артикул воинский явился шагом вперед в сфере регулирования ответственности за государственные преступления. В ст. 18–20, 124–137 Артикула воинского оказалось прописано заметно большее число названных преступных деяний по сравнению с Уложением 1649 г. Неслучайно, как явствует из архивного документа, соответствующий раздел Артикула воинского стал широко применяться в правоприменительной практике Тайной канцелярии – специализированного суда по государственным преступлениям²². Особое внимание при подготовке Артикула воинского законодатель уделил формулировке разновидностей воинской измены, которая считалась одновременно наиболее тяжким воинским преступлением, и которая описывалась в прежнем законодательстве значительно более кратко и фрагментарно.

Недоумение вызывает разве что отсутствие в Артикуле воинском раздела о преступлениях против интересов службы, которые могли совершаться должностными лицами военного управления (единственным исключением здесь явились ст. 65 и 66, в которых упомянуты несколько казусов злоупотребления должностными полномочиями). Особенно странным выглядит отсутствие нормы об ответственности за получение взятки²³ (несмотря на то, что одновременно с Артикулом воинским вступил в силу именной указ от 24 декабря 1714 г.²⁴, ставший наиболее жестким нормативным актом, направленным на противодействие взяточничеству, изданным в России за XVI – пер-

вую половину XX вв.). В данном случае Петр I, вероятно, иллюзорно понадеялся, что в реформированной российской армии взятки не получат распространения и без уголовно-правовых запретов.

Важной новаторской особенностью Артикула воинского явилось появление в его составе особых «толкований», которыми сопровождалось 70 статей. Данные «толкования» восходили к комментариям, которые содержались в западноевропейских актах военно-уголовного законодательства. Однако если в Западной Европе подобные комментарии отличались по большей части отвлеченно теоретическим характером, «толкования» в Артикуле воинском содержали либо необходимые для судебной практики разъяснения правовых норм и рекомендации по их применению, либо содержали нормы, дополняющие или уточняющие те нормы, которые были закреплены в статьях.

Показательно, что именно в «толковании» ст. 20 Артикула воинского оказалось помещено первое в истории отечественного права развернутое определение абсолютистско-монархической формы правления: «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен. Но силу и власть имеет свои государства и земли... по своей воле и благомнению управлять»²⁵. Следует также отметить пространное «толкование» ст. 154 и 167, в первом из которых были детально описаны признаки насильственной смерти (в том числе те, которые могли быть установлены путем проведения еще неизвестного в России судебно-медицинского вскрытия), а во втором – приведены подробные рекомендации по разбирательству в суде дел об изнасиловании²⁶.

Необходимо отметить, что если «Краткое изображение процессов...» редакции 1715 г. в дальнейшем не подвергалось изменениям, то в Артикул воинский редакции 1715 г. в первой четверти XVIII в. законодатель внес два дополнения. В мае 1716 г. Петр I детализировал как диспозицию, так и санкцию нормы, закрепленной в ст. 182 Артикула воинского, в которой предусматривалась ответственность военнослужащих за совершение насилий и грабежей и порчу имущества мирных жителей²⁷. На сле-

²² РГАДА, ф. 7, оп. 1, № 69, л. 2 об.

²³ Невозможно согласиться с мнением К. Шмидта, что в ст. 183 Артикула воинского предусматривалась ответственность за вымогательство взятки (Schmidt С. Sozialkontrolle in Moskau: Justiz, Kriminalität und Leibei-genschaft. 1649–1785. Stuttgart, 1996. S. 141). В действительности в отмеченной статье говорилось о злоупотреблении часовым своими полномочиями.

²⁴ Полное собрание законов. Т. 5. № 2871. С. 135–136.

²⁵ Законодательство Петра I. С. 756. Как установил Э. Аннерс, приведенное определение явилось дословным переводом фрагмента Декларации о суверенитете шведских сословий 1693 г. (Аннерс Э. История европейского права / пер. со шведского. М., 1996. С. 255).

²⁶ Законодательство Петра I. С. 780–781, 784–785.

²⁷ Бобровский П. О. Военные законы Петра Великого в рукописях... С. 66–67.

дующий год ст. 95 Артикула воинского была дополнена нормой, смягчающей ответственность за дезертирство, причем внесение этой нормы было оформлено особым именованным указом от 20 декабря 1717 г.²⁸ Вследствие отмеченных дополнений образовалась новая редакция Артикула воинского, впервые обнародованная в составе типографской публикации 1719 г.

Завершая обзор военно-уголовного и военно-процессуального законодательства Петра I, необходимо отметить, что ряд норм, изданных в развитие «Краткого изображения процессов...», был закреплен в главах 24–25 и 50 Устава воинского от 30 марта 1716 г.²⁹ В главах 24–25 регламентировались статус и полномочия руководящих должностных лиц аудиторской службы – генерал-аудитора и генерал-аудитора-лейтенанта. В главе 50 определялись состав генерального и полкового кригсрехтов, а также некоторые процедуры судебного следствия и постановления смертного приговора.

Примечательно, что в гл. 10 Устава воинского законодатель внес развернутую норму, направленную против взяточничества: «И понеже корень всякому злу есть сребролюбие. Того для всяк командующий аншефт должен блюсти себя от лихоимства. И не точию блюсти, но и других от оного жестоко унимать...» Что характерно, данная норма носила в большей мере декларативный характер, не содержала четко сформулированной санкции, вместо которой в заключительном фрагменте ст. 10 аллегорически говорилось о том, что на добытые лихоимством деньги можно «смерть или безчестное житие купить»³⁰.

Аналогом Устава воинского 1716 г., изданным для военно-морского флота, явился Устав морской от 13 января 1720 г.³¹ Поскольку после упоминавшихся выше «Инструкций и артикулов военных российскому флоту» 1710 г. каких-либо специализированных военно-уголовных актов для флота не издавалось, законодатель решил внести в Устав морской 1720 г. обширный уголовно-правовой раздел. Этот раздел образовали как уголовно-правовые нормы, рассредоточенные по многим главам книг 1, 3 и 4 Устава морского³², так и состоявшая из 25 глав и 146 статей книга 5 «О штрафах», всецело

посвященная регулированию уголовной ответственности военнослужащих флота.

В уголовно-правовом разделе Устава морского 1720 г. были по большей части воспроизведены нормы (в меньшей мере, «толкования») Артикула воинского 1714 г. – хотя и применительно к условиям корабля и морского похода. Правда, в отличие от Артикула воинского, в ст. 3 гл. 1-й книги 1 Устава морского появилась развернутая норма о недопустимости взяточничества, почти дословно повторившая гл. 10 Устава воинского 1716 г.³³ При этом в Уставе морском 1720 г. без всякой регламентации остались вопросы военно-морского судостроительства и военно-морского судопроизводства (хотя военно-морские суды функционировали параллельно сухопутным).

Из актов военно-процессуального характера, изданных в России в конце 1710-х – первой половине 1720-х гг., следует, прежде всего, отметить именной указ от 3 марта 1719 г.³⁴ Согласно названному указу, утвержденные командующими корпусами приговоры полковых и гарнизонных кригсрехтов, в которых в качестве санкции назначалась смертная казнь, предписывалось направлять на утверждение Военной коллегии. Смертные приговоры, вынесенные офицерам, после утверждения коллегией следовало направлять на окончательное утверждение царя.

Кроме того, вопросы военного судопроизводства и военного судостроительства затрагивались в распоряжениях Военной коллегии от 24 июля 1721 г., от 30 ноября 1723 г., в «Плакате о зборе подушном и протчем» и «Должности полковника», утвержденных императором 6 ноября 1724 г., а также в высочайших резолюциях на доклады Военной коллегии от 15 февраля 1723 г. и от 11 ноября 1724 г. В распоряжении Военной коллегии от 24 ноября 1721 г. речь шла об улучшении работы военных судов, в распоряжении от 30 ноября 1723 г. предписывалось изъять из подсудности кригсрехтов отставных военнослужащих³⁵.

В «Плакате о зборе подушном» и «должности полковника» регулировались вопросы организации военного суда и военно-уголовного процесса, связанные с начавшимся размещением армии на «вечных квартирах»³⁶. Высочайшей резолюцией от 15 февраля 1723 г. ут-

²⁸ Полное собрание законов. Т. 5. № 3136. С. 528.

²⁹ Полное собрание законов. Т. 5. № 3006. С. 235–236, 264–267.

³⁰ Законодательство Петра I. С. 164–165.

³¹ Полное собрание законов. Т. 6. № 3485. С. 2–116.

³² Подробнее см.: Ромашкин П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. С. 22–25.

³³ Полное собрание законов. Т. 6. № 3485. С. 6.

³⁴ Полное собрание законов. Т. 5. № 3316. С. 670.

³⁵ Полное собрание законов. Т. 6. № 3806. С. 409–410; Т. 7. № 4375. С. 166–167.

³⁶ Полное собрание законов. Т. 7. № 4533. С. 310–318 [«Плакат»]; № 4535. С. 321–327 [«Должность»].

верждалось предложение Военной коллегии сохранить в Москве стационарный «Нижний воинский суд», а резолюцией от 11 ноября 1724 г. – предложение направлять на утверждение главы государства только те приговоры военных судов, в которых смертная казнь назначалась старшим офицерам³⁷.

В заключение остается добавить, что крупнейшим актам военно-уголовного и военно-процессуального законодательства Петра I оказалась суждена долгая юридическая жизнь. «Краткое изображение процессов...» и Артикул воин-

ский сохраняли юридическую силу до 1810-х – 1830-х гг.: для военного времени до издания в составе «Учреждений для управления Большой действующей армией» от 27 января 1812 г. Устава полевого судопроизводства и Полевого уголовного уложения³⁸, а для мирного времени – до утверждения Военно-уголовного устава 1839 г. (части 5 Свода военных постановлений). Уголовно-правовой раздел Морского устава 1720 г. сохранял силу и вовсе до середины XIX в., до издания Свода морских уголовных постановлений 1851 г.

Библиография

1. Аннерс Э. История европейского права / пер. со шведского. – М.: Наука, 1996. – 395 с.
2. Бобровский П. О. Вейде Адам Адамович, один из главных сотрудников Петра Великого, и его Военный устав 1698 года (Историко-юридическое исследование). – Казань: Типогр. Императорского университета, 1887. – 31 с.
3. Бобровский П. О. Военное право в России при Петре Великом. – СПб.: Типогр. В. С. Балашева, 1886. – Ч. 2. – XXXIV, 772 с.
4. Бобровский П. О. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях: историко-юридическое исследование. – СПб.: Типогр. В. С. Балашева, 1887. – V, 98, [13] с.
5. Бобровский П. О. Происхождение Артикула воинского и Изображения процессов Петра Великого по Уставу воинскому 1716 г.: историческое исследование. – 2-е изд. – СПб.: Типогр. В. С. Балашева, 1881. – 46 с.
6. Дурманов Н. Д. Памятники уголовного права. Введение // Памятники русского права / под ред. К. А. Софроненко. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961. – Вып. 8. – С. 263-318.
7. Линовский В. А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. – М.: ЛексЭст, 2001. – 222 с.
8. Мышлаевский А. З. Предисловие // Петр Великий. Военные законы и инструкции (изданные до 1715 года) / сост. А. З. Мышлаевский. – СПб.: Военная типогр., 1894. – С. I-LXII. (Сборник военно-исторических материалов. – Вып. 9).
9. Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. – СПб.: Типогр. М. Эттингера, 1878. – VI, 377 с.
10. Ромашкин П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. – М.: ВЮА, 1947. – 94 с.
11. Савченко Д. А. Государственные преступления по военно-уголовному законодательству Петра I // Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко (1700–1762): сб. матер. всерос. науч. конф. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2002. – Вып. 2. – С. 16-21.
12. Серов Д. О. Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» (из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // Lex Russica. Научные труды Московской государственной юридической академии. – 2013. – № 2. – С. 113-121.
13. Серов Д. О. «У сочинения Уложения российского с швецким быть...»: Уложенная комиссия 1720 года и ее труды // Институты государства и права в их историческом развитии: сб. науч. статей / под ред. Т. Е. Новицкой. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2012. – С. 139-160.
14. Чистяков О. И. Процессуальное законодательство // Законодательство Петра I / под ред. А. А. Преображенского, Т. Е. Новицкой. – М.: Юридическая литература, 1997. – С. 794-821.
15. Юшков С. В. История государства и права СССР. 4-е изд. – М.: Юридическая литература, 1961. – Ч. 1. – 679 с.
16. Hoffmann P. Peter der Große als Militärreformer und Feldherr. – Frankfurt am Main: Peter Lang International Academic Publishing, 2010. – 271 s.
17. Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. – Lund: A. – B. Nordiska Bokhandeln, 1979. – XII, 448 p. (Rättshistoriskt Bibliotek. – Bd.

³⁷ Полное собрание законов. Т. 7. № 4166. С. 24; № 4589. С. 361.

³⁸ Полное собрание законов. Т. 32. № 24975. С. 75–84.

29).

18. Petschauer P. In Search of Competent Aides: Heinrich van Huysen and Peter the Great // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. – 1978. – Bd. 26. – N 4. – S. 481-502.
19. Schmidt C. Sozialkontrolle in Moskau: Justiz, Kriminalität und Leibeigenschaft. 1649–1785. – Stuttgart: F. Steiner Verlag, 1996. – 500 s. (Quellen und Studien zur Geschichte des Östlichen Europa. – Bd. 44).

References

1. Anners E. Istorija evropejskogo prava / per. so shvedskogo. – M.: Nauka, 1996. – 395 s.
2. Bobrovskii P. O. Veide Adam Adamovich, odin iz glavnykh sotrudnikov Petra Velikogo, i ego Voennyi ustav 1698 goda (Istoriko-yuridicheskoe issledovanie). – Kazan': Tipogr. Imperatorskogo universiteta, 1887. – 31 s.
3. Bobrovskii P. O. Voennoe pravo v Rossii pri Petre Velikom. – SPb.: Tipogr. V. S. Balasheva, 1886. – Ch. 2. – XXXIV, 772 s.
4. Bobrovskii P. O. Voennye zakony Petra Velikogo v rukopisyakh i pervopechatnykh izdaniyakh: istoriko-yuridicheskoe issledovanie. – SPb.: Tipogr. V. S. Balasheva, 1887. – V, 98, [13] s.
5. Bobrovskii P. O. Proiskhozhdenie Artikula voinskogo i Izobrazheniya protsessov Petra Velikogo po Ustavu voinskomu 1716 g.: istoricheskoe issledovanie. – 2-e izd. – SPb.: Tipogr. V. S. Balasheva, 1881. – 46 s.
6. Durmanov N. D. Pamyatniki ugolovnoho prava. Vvedenie // Pamyatniki russkogo prava / pod red. K. A. Sofronenko. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury, 1961. – Vyp. 8. – S. 263-318.
7. Linovskii V. A. Opyt istoricheskikh rozyskanii o sledstvennom ugolovnom sudoproizvodstve v Rossii. – M.: LeksEst, 2001. – 222 s.
8. Myshlaevskii A. Z. Predislovie // Petr Velikii. Voennye zakony i instruksii (izdannye do 1715 goda) / sost. A. Z. Myshlaevskii. – SPb.: Voennaya tipogr., 1894. – S. I-LXII. (Sbornik voenno-istoricheskikh materialov. – Vyp. 9).
9. Rozengeim M. P. Ocherk istorii voenno-sudnykh uchrezhdenii v Rossii do konchiny Petra Velikogo. – SPb.: Tipogr. M. Ettingera, 1878. – VI, 377 s.
10. Romashkin P. S. Osnovnye nachala ugolovnoho i voenno-ugolovnoho zakonodatel'stva Petra I. – M.: VYuA, 1947. – 94 s.
11. Savchenko D. A. Gosudarstvennye prestupleniya po voenno-ugolovnomu zakonodatel'stvu Petra I // Krov'. Porokh. Lavry. Voiny Rossii v epokhu barokko (1700–1762): sb. mater. vseros. nauch. konf. – SPb.: VIMAIViVS, 2002. – Vyp. 2. – S. 16-21.
12. Serov D. O. Zabytye redaktsii Artikula voinskogo i «Kratkogo izobrazheniya protsesov ili sudebnykh tyazheb» (iz istorii kodifikatsii voennogo zakonodatel'stva Rossii XVIII v.) // Lex Russica. Nauchnye trudy Moskovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii. – 2013. – № 2. – S. 113-121.
13. Serov D. O. «U sochineniya Ulozhen'ya rosiiskogo s shvetskimi byt'...»: Ulozhennaya komissiya 1720 goda i ee trudy // Instituty gosudarstva i prava v ikh istoricheskom razvitii: sb. nauch. statei / pod red. T. E. Novitskoi. – M.: IKD «Zertsalo-M», 2012. – S. 139-160.
14. Chistyakov O. I. Protsessual'noe zakonodatel'stvo // Zakonodatel'stvo Petra I / pod red. A. A. Preobrazhenskogo, T. E. Novitskoi. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1997. – S. 794-821.
15. Yushkov S. V. Istorija gosudarstva i prava SSSR. 4-e izd. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1961. – Ch. 1. – 679 s.
16. Hoffmann P. Peter der Große als Militärreformer und Feldherr. – Frankfurt am Main: Peter Lang International Academic Publishing, 2010. – 271 s.
17. Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. – Lund: A. – B. Nordiska Bokhandeln, 1979. – XII, 448 p. (Rättshistoriskt Bibliotek. – Bd. 29).
18. Petschauer P. In Search of Competent Aides: Heinrich van Huysen and Peter the Great // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. – 1978. – Bd. 26. – N 4. – S. 481-502.
19. Schmidt C. Sozialkontrolle in Moskau: Justiz, Kriminalität und Leibeigenschaft. 1649–1785. – Stuttgart: F. Steiner Verlag, 1996. – 500 s. (Quellen und Studien zur Geschichte des Östlichen Europa. – Bd. 44).

Материал поступил в редакцию 25 декабря 2013 г.